СВОБОДА ЯЗЫКА, СВОБОДА СЛОВА ИЛИ… СЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР?

В переломные моменты истории, так или иначе размежевывающие, стратифицирующие общество, неизбежно встают вопросы лингвоэкологии: кажется, что разрушающийся привычный уклад угрожает разрушением и национальному языку. Открытость массовой коммуникации, вовлеченность в ее сферу людей разного образовательного уровня, отмена официальной цензуры, разрешение (и мода!) на спонтанное публичное речепроизводство, расширение прямого радио- и телеэфира, Интернет-коммуникации на пространстве официальных СМИ – все это признаки нового этапа демократизации языка. Опасностью при этом считается падение так называемой «культуры речи», т.е. снятие ограничений в области речевой нормы, размывание норм, стилевая диффузия. А между тем, «если в языке видеть динамический феномен, развивающийся изнутри и создаваемый заново в каждый данный момент речевой деятельности говорящих, то вопрос о свободе языка приобретает непреходящее значение, ибо свобода — непременный атрибут языка: язык не может существовать в условиях несвободы своего употребления, функционирования, жизни, самосоздания» [4, 128].

Речевая деятельность российских журналистов, работающих в информационных СМИ, оказалась в условиях парадокса свободы: можно писать как угодно, но нельзя писать что угодно, поскольку на смену цензуре как институту пришла корпоративная цензура. Скорее всего этот парадокс спровоцирован превратно понятой идеей «свободы слова», где слово было понято конкретно – как единица языка, но не как носитель смысла, то есть мнения, позиции. Известно, однако, что понимание свободы неотделимо от мировоззрения. Заметим, что советское мировоззрение органично укладывалось в бытующие в эпоху тоталитарного языка [см., напр., 3] публичные речевые жанры. Отказавшись от «составления текстов» из готовых схем, сформированных прессой, радио- и телевизионными новостными жанрами советской эпохи, российские журналисты оказались в условиях свободы употребления языка, его функционирования, но в отсутствии свободы выражения разных точек зрения и, более того, в отсутствии свободы информирования. Вместе с тем очевидно, что

свобода есть онтологическое свойство не только самого языка, но и информации, как некоего знания, предназначенного для распространения.

К сожалению, говоря сегодня о качестве информирования, чаще всего имеют в виду не содержательный аспект речевой деятельности журналистов, а вопросы формы – оформления мысли, способов изложения, несовершенства стиля, тривиальной грамотности (или точнее – безграмотности) и нарушений речевых норм. В конечном счете все эти недостатки формы являются следствием неправомерного выбора языковых средств, сделанного журналистом. И здесь важно подчеркнуть: выбор варианта зависит от цели, которую преследует автор высказывания. Но если цель не осознана, не вычленена из аморфного представления о событии, положенного в основу журналистского текста, - перед автором даже не встает вопрос о выборе способа сообщения о событии: этот выбор происходит как бы «сам собой».

Известно, что свобода есть там, где существует выбор. Применительно к речевой деятельности говорят о выборе вариантов, предлагаемых языком. В вариативное поле включено все многообразие способов выражения мысли (в том и числе и тех вариантов, которые лежат за пределами кодифицированной нормы). Но у многих пишущих сегодня реального выбора нет, поскольку отсутствует представление об актуальном вариативном поле. А точнее – этим полем являются для журналиста тексты его же собратьев по перу, из которых автор и черпает варианты. Случайно выхваченные, они оказываются носителями случайных для автора смыслов, намеков, подтекста. У получателя же все это складывается в некую целостную картину события, имеющую вполне определенную если не конкретно политическую, то явно идеологическую окраску. Проиллюстрируем это на таком, казалось бы, техническом вопросе, как выбор написания с заглавной или строчной буквы. Нельзя не заметить, что в русских СМИ появилась тенденция к расширению функции заглавной буквы (такие ненормативные написания можно отнести к графическим англицизмам). И если раньше написание наименования должности с прописной буквы можно было встретить лишь в фельетоне в качестве комического приема, то сегодня такой вариант мало кому кажется ошибочным: *На встрече с Губернатором присутствовали и представители ветеранских организаций; Контроль за*

исполнением этого решения Президент возложил на Министра энергетики. Выбирая написание должностей с заглавной буквы, журналист тем самым вольно или невольно повышает статус конкретных лиц.

Условия выбора в информационной журналистике, безусловно, определяются политикой. Можно сказать, что политика в основном и есть та сфера жизни, в которую (перефразируя выражение Н. Д. Арутюновой) «погружены» тексты масс-медиа [см., в частности, 1], являющиеся, таким образом, частью политического дискурса. Последний, в свою очередь, представляет собой совокупность речевых произведений «в контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [2, 22].

Работа с будущими журналистами в российской студенческой аудитории показывает: многие из них пребывают в уверенности, что можно не иметь политической ориентации и успешно заниматься журналистской деятельностью. Называются даже области, в которых, по мнению студентов, можно находиться «вне политики» - спорт, искусство, хобби… Гражданская незрелость порождает случайность выбора, стихийность позиции, проявление которой в тексте бывает порой неожиданно и для самого журналиста. Приведем простой пример. Сообщая об уходе Глеба Павловского с поста кремлевского советника, корреспондент Эха Москвы (27.04.2011) говорит в последней фразе новостного сообщения (т. е. в сильной позиции текста) о «разрыве между Павловским и Белым домом», не учитывая возникающей у слушателя ассоциативной связи с американской администрацией.

Говоря о вариативном поле, заметим, что советская информационная журналистика знала «правильный» инвариант при четком понимании того, какие варианты не соответствуют норме (причем этот инвариант отражал реальное языковое существование). Сегодняшний журналист, в лучшем случае, нацелен на «объективное информирование», под которым многие понимают… отсутствие собственной позиции. Закономерно поэтому, что свобода слова реализуется зачастую не в процедурах выбора, а в признании возможным для использования любого случайного варианта. Пресловутая объективность оборачивается «бессознательной» игрой в конкретные ворота, поскольку создание

текста вне отношения автора к предмету этого текста невозможно и это отношение проявит себя в конкретной языковой единице. Так, даже, казалось бы, формальный вопрос о выборе номинации, разводит авторов-журналистов по разные стороны баррикад: *РПЦ* или *русская православная церковь*? Выбор варианта демонстрирует то содержание, которое вкладывает журналист в номинируемую реалию: институт или конфессиональное сообщество; один из политических инструментов государства или духовное объединение людей. Выбирая вариант *РПЦ* (для краткости!), журналист, на деле, становится выразителем вполне определенного мнения.

Список использованных источников:

1. *Бегун (Васильева) В. В., Салимовский В. А. Цинизм и пошлость в массмедийном дискурсе (лингвоэкологический аспект) // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. - Красноярск, 2009.*
2. *Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2. - М., 1998.*
3. *Купина Н. А. Тоталитарный язык. - Екатеринбург; Пермь, 1995.*
4. *Мурзин Л. Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург: «Арго», 1997.*